Джарнард ответил на мое предложение о встрече, выслав приглашение на приват. А я, спасаясь от навязчивости СурГрим, видимо, согласилась его принять. И совсем об это не помнила, думала, возвращаюсь в собственную личку! Кубарем я вылетела под ноги Джарнарду, еще и кричала при этом, как резаная. Дикое зрелище должно быть. Джарнард отскочил.

– Привет, – сказал он. – Неожиданное начало…

Я позорно разрыдалась. Наверно, сбила с толку этим Джарнарда. Но мне уже было все равно. Эмоции зашкаливали. Мало того, что с девчонками из школы подралась, так еще и нарвалась на парня-извращенца. Ну что стоило этому СурГрим оказаться нормальным, а?

Джарнард присел рядом. Я посмотрела на него и начала хохотать. Когда опасность миновала, ситуация с СурГрим показалась до ужаса абсурдной! Парень с женским аватаром пристает к девушке с мужским. Время от времени я вытирала слезы, только уже не понимала от смеха или от плача.

– Ну и что с тобой делать? – поинтересовался Джарнард. – Поцеловать?

Он наклонился и тут же поцеловал в щечку.

– Я же парень, – у меня не осталось сил удивляться.

– А плачешь, как девчонка.

А ведь я не оттолкнула Джарнарда. Нелогично, но от чего-то ему я доверяла. Если бы самой первой встречей была встреча с СурГрим, а не с ним, то я вряд ли бы решилась на следующее знакомство в привате.

Ладно, думаю, не стоит строить перед Джарнардом парня. Он обо всем догадался еще в первый раз. Вот только каким образом меня вычислила СурГрим? Или она, точнее он решил так, как ему удобнее? То есть посчитал меня девушкой. Ну все, хватит голову ломать, итак уже ничего не соображаю. Да и вообще, с такими эмоциями удивительно, как она у меня вообще не отказалась мыслить.

– Ты откуда такой взъерошенный, расскажешь?

Конечно, я рассказала. С кем еще поделиться, как не с Джарнардом. Ведь с Тайрией я не могла пока это обсудить. Чем больше я рассказывала, тем смешнее мне становилось. И стихающие было смешки пошли по новому кругу. Но теперь Джарнард веселился вместе со мной.

– Ну ты и сердцеед!

– А что я? Я ничего не делал.

За время рассказа я расслабилась – села, вытянув ноги и опершись руками в траву. Смотрела при этом в голубущее небо над головой и щурилась. Вообще мы встретились в той же обстановке – на полянке с журчащим невдалеке ручьем и порхающими с цветка на цветок яркими бабочками. И меня не волновало, что по идее я сижу рядом с супер-звездой. Видимо, из-за того, что Джарра встретился со мной в образе Джарнарда.

– И вообще, почему сразу я сердцеед? На себя посмотри!

– Люди всегда считают, как им удобнее, – сказал Джарнард. – У каждого свое представление о тебе. В вирте это даже пола касается. Парни будут думать, что ты девушка, девушки, что ты парень. К тому же ты сам оставил неопределенность в этом вопросе.

– Можно подумать, если отвечу, что-нибудь изменится.

– Заведи золотой акк или серебряный. Там можно поставить галочку на запрет любых подобных действий. Ты можешь разрешить себя целовать и отправлять запросы на что-то большее только определенным людям. Это удобно.

– Почему только платным аккаунтам? – возмутилась я. – А если пользователь несовершеннолетний?

– До шестнадцати близкий контакт с кем бы то ни было вообще перекрыт. А зачем ты с этим… как его там… встретился?

– Он с музыкой помощь предложил, – вздохнула. – Но теперь я даже не знаю, стоит ли кого-нибудь искать. А вдруг опять наткнусь на такое вот?

– Поешь ты пока лучше, чем играешь. Найти помощника – идея неплохая. Или соавтора.

Мы помолчали какое-то время, потом я подтянула ноги и обхватила колени руками. Внимательно посмотрела на такого же расслабленного Джарнарда рядом.

– Зачем ты тогда это сделал?

Джарнард какое-то время размышлял, потом медленно, будто подбирая слова начал говорить:

– Вот ты идешь, развиваешься, стремишься на вершину… Приходишь, а там никого… И ты остаешься в одиночестве.

Ну и почему сразу в одиночестве? Другие люди рядом есть всегда. К тому же с таким харизматичным человеком, как Джарра. Зачем преувеличивать? Я задумалась вслед за Джарнардом. А может, в этом есть нечто большее? Тот опыт, который мне пока неизвестен?

– Одному скучно, – Джарнард испортил серьезность момента, ухмыльнувшись во все зубы. Вот вечно он так! – Так что, Сирин, расти! Мне нужен соперник. Надоело играть одному.

Новое имя проскользнуло так привычно, что я даже не удивилась. Подумала, а неплохо же звучит.

– Не боишься, что стану лучше тебя? – подначила я Джарнарда.

– Неа, – он мотнул головой, отчего разметалась темная челка. – Ты будешь меня догонять, я буду убегать! Весело же, а?

– Ну ты и… – у меня слов не нашлось.

– Считаешь, много о себе думаю? А почему бы и нет. Думать о себе приятно, – Джарнард рассмеялся.

Вот и пойми, серьезно он или шутит. Наверно, и то, и другое. Я начала непроизвольно улыбаться. Ничего больше обсудить мы не успели, Джарнарду пришло красное сообщение. На

этот раз оно не просто тыкалось в макушку, а с воплями носилось вокруг и било по голове. Мне тоже один раз прилетело ненароком. Я аж испугалась. На своем акке я не встречала возможности посылать подобные сообщения. Опять дополнительные настройки платного?

– Ну же, – разозлился Джарнард. – Да знаю я!

Он перехватил пиктограмму сообщения и смял. Закинул куда-то вперед в речку, и она истаяла красными искрами.

– В общем, мне пора, – сказал он. – Возможно, я смогу порекомендовать кое-кого в помощники. Если она согласится. Я напишу.

Я кивнула.

– До встречи.

Джарнард был бы не Джарнардом, если бы не подкинул перед уходом загадку:

– Выложи виртшот аватара. И как можно скорее.

– Почему? – спросила я уже у стен своего кабинета в личке.

С чего это он о других беспокоится? Зачем мне свои виртшоты выкладывать? Пошутил, а потом будет смотреть, что из этого выйдет? Время неумолимо отсчитывало последние секунды. Так что я пропустила мимо ушей рекомендацию. С камерой еще разбираться надо – хоть и не сложно, а минут пять займет. Да и сфоткаться хочется так, чтобы покрасивее. Хотя бы здесь будет у меня симпатичная фотка – аватар же отличный получился! Займусь виртшотом в следующий раз. Надо только денег на вирт накопить. Хммм… а может, тот виртшот выложить, который Джарнард сделал? Там, где у меня ну уж очень дурацкий вид. Вот будет смешно.

После общения с Джарнардом я внутренне успокоилась, так что практически не вспоминала про нападения, которые случились со мной раньше. Уходила со спокойным сердцем. Наверно, я слишком рано расслабилась, посчитав, что превысила норму неприятностей за день. Когда вернулась вечером домой с подработки, мама сразу с порога позвала к себе. Я знала все привычки мамы, так что это было знаком. Что еще я могла ожидать, как не очередного нагоняя? Или же требования расписать свой день по минутам. Хотя подобного она уже давно не просила.

Меня просто холодный пот прошиб – снова придется лгать и изворачиваться. И еще не факт, что мама поверит. Я затормозила, обдумывая варианты ответов на разные случаи. Дождалась громкого окрика:

– Майрика, застряла там что ли?

Ну слава богам, хотя бы просто по имени, без фамилии! Значит не так сильно сердится. Может быть, все обойдется. Стянула ботинки, скользнув взглядом по отваливающейся подошве. И как только терпит? Повесила пальто на вешалку, расправляя каждую складочку.

– Майрика! Сколько можно ждать?

Кажется, у меня болит голова. Когда я зашла в зал, мама стояла возле окна. Волосы распущены, поверх ночнушки накинут старый растянутый халат, на лице ни грамма косметики – значит никуда сегодня не идет. А раз на кресле валяются плед с раскрытой книжкой, на

столике – обертки от конфет, то дома уже давно. Прошелестела переворачиваемая страница, и только тогда я посмотрела на то, что мама держала в руках. Тетрадь с чеками от покупок! Кажется, я поторопилась думать, что все обойдется.

– У нас сахар закончился, – мама глянула на меня. – Ты совсем не следишь?

– Мам, я куплю, – заторопилась я. – Завтра. Сейчас я тебе блинчиков с вареньем сделаю!

– Я кофе с сахаром пью. И со сливками, которых кстати тоже нет!

– У соседки попрошу, хорошо? – я побежала к двери.

– Из-за тебя я не пила кофе, – припечатала мама, и я остановилась, боясь повернуться к ней лицом. – Чем ты целыми днями занимаешься?

Ответить, что учусь и работаю, завтраки-обеды готовлю, продукты покупаю, в квартире убираюсь? Тогда тетрадь с чеками точно прилетит мне в лицо. Я обдумывала ответ, который устроил бы маму, когда раздался звонок. Я осмелилась чуть-чуть обернуться. Улыбка вернулась на мамино лицо, и тот, кто был на другом конце, услышал очень мягкое:

– Да?

По тому, как все больше светилось лицо мамы, я поняла – позвонил Скендер. Я шагнула наружу, и дверь мягко закрылась за спиной. Это было на грани. Облегченно выдохнув, я сползла на пол, затылок стукнулся об деревянную поверхность. Я тут же дернулась, оглянулась, испугавшись, что мама могла услышать.

Как же так? Почему я проворонила сахар? Утром, когда готовила, еще был. И самое важное, как мне поскорее деньги вернуть? Ведь если мама начала проверять, то не забудет. Может быть, завтра, а может, послезавтра к этому вернется. Посчитает оставшиеся деньги, просмотрит чеки и поймет, что ничего не сходится. Я пропала!

Скендер, постарайся! Отвлеки ее очень сильно! Чтобы она хотя бы сегодня обо всем забыла!

Ругань от мамы я уже не выдержу. Если она узнает, что я занимаюсь пением, и, более того, выкладываю записанное на Байхае, то вновь примется контролировать каждый шаг. Как тогда… И никакая ее влюбленность в Скендера не поможет.

Весь вечер мне было очень плохо. Одновременно я и пекла блинчики, и читала учебник, изредка косясь на дверь – вдруг мама зайдет и потребует отчета по затратам. Время шло, ничего не происходило.

Собравшись с духом, я отнесла маме блинчиков с вареньем, кружку чая и увидела, что она расслабленно валяется уже на расправленной постели и читает книгу. На меня она даже не посмотрела. Сказала лишь вполне спокойным голосом:

– Сахар не забудь купить. И мяса побольше приготовь. Скендер завтра здесь ночует.

И хоть все обошлось, я продолжала беспокоиться. Одна проблема нагоняла воспоминания о другой. Так они и шагали друг за дружкой, оседали неповоротливыми валунами, заполоняя все вокруг беспросветным мраком. И я, не удержавшись, еще раз поревела. Пожалела себя.

Если бы дома был компьютер и выход во всемирку, я бы нашла, чем отвлечься. А так я только раз за разом прокручивала события дня. Даже уроки толком не сделала. Из комнаты я не выходила до тех пор, пока мама не легла спать. После этого на цыпочках пробралась на кухню и заварила себе ромашкового чая.

Дымящаяся кружка заняла привычное место на ворохе старых бумажек, из тайника появилась тетрадь со стихами. Несколько минут я созерцала, как блестит глянцевое покрытие обложки под теплым полукружьем света. Один уголок загнулся, и я погладила его кончиками пальцев. В каждой тетради есть нечто особенное – мне нравилось просто их перебирать, листать странички в синюю клетку. Они никогда не блистали аккуратностью, ведь я зачеркивала неудачные строчки, втискивала новые поверх. На полях быстро-быстро, чтобы поймать ускользающую мысль, иногда совершенно неразборчивыми буквами записывала удачную рифму или вообще целое четверостишье.

Я пролистнула тетрадь, закрыла. Писать не хотелось. Да и вряд ли после такого суматошного дня меня посетит вдохновение. Оно не любит суеты и переживаний о чем-то, кроме самого творческого процесса. Да, можно выплеснуть боль в стихах, но таких итак было слишком много. Хочется писать о светлых чувствах. Почему получается наоборот? По подоконнику затарабанил дождь, и я уставилась в темноту за окном. Скоро придет зима, и закружатся белые снежинки, исполняя свой особенный королевский танец. Придет время Зимнего бала. Может быть, тогда я буду хоть на капельку счастливее?

Вглядываясь в темнеющие очертания деревьев, желтые прямоугольники света в соседнем доме, я вспомнила обсуждение книги Рема на моем акке. Вот что можно почитать, тем более книга уже загружена в комм! Эх, как же хочется на Байхай и в Тансар!

Книгой Рема я увлеклась настолько, что просидела до трех часов ночи. Мне следовало выспаться нормально, особенно после того, как плакала. Но я все лишь усугубила. Поглядев на часы, я решила не переживать. Наплевать! Итак, все плохо.

Начинался текст, как ни удивительно, с мифа о трех богах. Точнее с легенды – автор особо это подчеркивал, утверждая, что история богов не народное мифотворчество, а реально произошедшие события, просто случились они давно и обросли большим количеством неточностей. Начиналось все теми же словами, что я помнила с детства:

“Создатели Теары – бог света Ята, бог тьмы Наун и богиня жизни Рада. Боги тьмы и света враждовали, и земля сотрясалась от бесконечных боев колоссальных в своих размерах зверей…”

Дальше шли более существенные отличия – боги делили не сферы влияния, а просто напросто отстаивали свое право любить, быть рядом с Радой. Что именно чувствовала по этому поводу богиня и кого любила на самом деле, не уточнялось. Хотя это было любопытнее всего. Светлого солнечного Яту или темного мрачного Науна? Кого бы выбрала я? Хотя, чего гадать – уже выбрала. Ведь Эйдан ятамар.

Рада останавливала бои, воспаряя над зверьми птицей с яркими сияющими крыльями. Но пришел день, когда это не помогло: боги настолько озлобились, что делили уже не только Раду, но и землю. Ни один не хотел оставлять на Теаре соперника. Божественная злоба очерняла почву, животные гибли от мора, реки и озера высыхали. Ни Ята, ни Наун не слышали мольбы Рады прекратить вражду.

– Я исчезну. Если это единственный способ все исправить… – сказала Рада и ушла.

Куда именно, тоже не говорилось. Но оставшиеся мигом прочувствовали ее уход, ведь исчезла сама радость жизни, любовь. Как будто на мир накинули серое покрывало. После ухода Рады боги помирились, разделили сферы влияния, чтобы не пересекаться слишком часто, ведь встречи несли за собой отголоски боли. Боги долго возрождали землю. Оно и не удивительно – разрушать всегда легче, чем восстанавливать или создавать с нуля. Но зато последнее дарит больше радости. Так что они и сами не заметили, как вновь вдохнули в свои создания жизнь и любовь, сорвали паутинную серость.

Текст книги отличался сухим языком. Но я представляла все в красках, и мне казалось, что могла бы получиться очень красивая сказка. Только хотелось бы ее со счастливым концом. Но разве так может быть там, где замешаны чувства трех единственных в своем роде?

После легенды шел уже научно-популярный текст. Выдвигались теории на основе условно неопровергаемых истин, как то, к примеру, что действительно существовало три бога, а значит три расы, что второй звериной ипостасью Рады и радамаров была птица. Какие-то моменты в доказательствах я хоть и прочитывала по кругу, все равно не понимала – наверно, мозг отказывался работать.

Упоминалась легенда и про Сирина. О том, что один из радамаров в птичьем облике мог пением сводить с ума. Интересно, каким образом дошла до наших дней история Сирина, при чем в учебниках? Ведь если не было бога с птичьей ипостасью, то откуда же ей взяться у обычного мара? В той легенде это никак не объяснялось. Родился один такой особенный мар, и все. А что если для наших предков и не надо было объяснять, потому что они прекрасно помнили Раду? И видели ее божественные проявления?

Что если радамары для предков были таким же обычным явлением, как ятамары и наунмары? Куда же они исчезли? Или, может, существуют и поныне, замаскированные под самых слабых? Что если зверь-птица внутри просто не откликается на чужое имя?

“Не откликается…”

Кто или что целенаправленно уничтожило радамаров? Или с исчезнованием Рады они просто стали слабее? Перестали верить в собственные силы. С другой стороны, сейчас и сильных зверей других рас мало. Да и понятие силы для нас изменилось – теперь не обязательно перекидываться, чтобы прослыть сильным. А для предков даже перекидывание не служило доказательством.

Когда я очнулась где-то посередине книги, светало. Голова, под завязку набитая информацией, пульсировала болью. Глаза закрывались сами собой, но я упорно зевала, не давая себе заснуть. Буквы плыли белым маревом. Я закрыла книгу и отложила комм. Позже дочитаю. И может быть, перечитаю. Потому что ну очень хочется после такого написать стихи про Раду.

Ушла в неизвестность, отправилась в путь.

С него не свернуть. Ее не вернуть.

Следов не найдешь, пропала в ночи.

Не отзовется, хоть в голос кричи…

Ушла в неизвестность, в далекую ночь.

Прочь…

Я записала пришедшие на ум строчки – потом над ними поразмышляю – и подошла к окну. Тихие, пустынные улицы города дарили спокойствие и какую-то легкую грусть. Мне вдруг захотелось выйти и прогуляться, вдохнуть осенней прохлады. Но я лишь улыбнулась странному желанию. Неужели собралась искать следы Рады? Пора ложиться – спать осталось каких-то два часа.

С утра голова казалась просто дубовой, глаза выглядели припухшими. Еле встала и поплелась готовить завтрак. Как только мама ушла на работу, я бросилась в зал и забрала тетрадь с чеками. Не стоит оставлять на виду! Все утро беспокоилась, что мама вновь в нее заглянет. Придумаю сегодня что-нибудь. Можно у Тайрии взаймы попросить.

Огненную копну волос, крупные красные клетки излюбленной мальчишеской рубашки я заметила издалека. Тайрия ждала меня на привычном месте недалеко от школы. Она притаптывала ногой в такт музыке, которая звучала, по-видимому, в комме. В уши она вставила только один наушник и все время оглядывалась.

– А я половину книги прочитала! – похвасталась я.

– Наконец-то! – Тайрия сразу догадалась, о чем речь. – Понравилось?

– Интересно. Хочется хоть одним глазком в прошлое заглянуть – увидеть, что на самом деле произошло.

– Я не хотела бы этого видеть, – в голосе подруги мелькнула тоска.

– А я надеюсь, все закончилось хорошо. Только мы об этом не знаем.

– Или закончится, – почему-то поправила меня Тайрия.

Мы прошли несколько шагов, и я заметила, что невдалеке под деревом стоят Вирем с Эйданом в окружении четырех охранников. Разговаривают о чем-то. Я затормозила, разглядывая удивительную, на мой взгляд, сцену, ведь между парнями не было никаких точек пересечения. Они подружились? Судя по лицам, обсуждают что-то серьезное.

– А что… – начала я.

– Мы все видели вчера, – сказала Тайрия, и я уставилась на нее, ничего не понимая. – Ну и чего так смотришь, будто не помнишь ничего? Вчера охранники заметили слежку девчонок из школы. Когда сказали, ты уже далеко ушла. Я прибежала в тот же момент, что и Эйдан. Но решила не вмешиваться, – Тайрия подмигнула. – Гораздо приятнее, когда спасает рыцарь!

Это та самая точка пересечения между Эйданом и Виремом? Спасти меня? Они вчерашнее обсуждают? Собираются каким-то образом приструнить девчонок? Я не верила, что такое вообще возможно. Но сам факт желания помочь вызвал сильнейший прилив благодарности.

– Спасибо!

– Лады. Норм все. Из-за Эйдана началось, ему и разбираться, – Тайрия не удержалась от смешка куда-то в сторону. – Пусть расплачивается за красоту.

Я улыбнулась.

– Почему ты мне помогаешь? – не смогла не спросить.

Правильно ли, что я об этом спрашиваю? Может быть, должна воспринимать, как должное? Мне казалось, помощь Тайрии вышла далеко за пределы дружбы, которая только-только начинается. Обо мне еще никто так не заботился. Поэтому было немного неудобно. Бывшая подруга из начальной школы никогда бы и не подумала встречать и провожать, скорее потребовала бы такой заботы для себя. Да, мы ходили вместе, но только потому, что жили по соседству.

– Мы разве не друзья? – удивилась Тайрия.

– Друзья!

Зря я завела разговор об этом. Надо срочно сменить тему.

Тайрия весело хмыкнула:

– Тебе кажется, я слишком забочусь, хотя мы только два месяца знакомы?

– Полтора, – кивнула я.

– В детстве, – решила все же объяснить подруга, – я никак не могла овладеть звериной половиной, поджигала все вокруг. Мне прописали самый сильный подавитель – корсанол. В результате зверь замолчал, перестала проявляться и магия. Я стала очень слабой. Это неприятно. Я училась в девчачьей школе для Чистых. Ты не представляешь, какой это ужас, особенно если все сплошь из самых высоких семей. А еще выставляют напоказ невинность и непорочность.

– Тебя изводили?

– Ну-у… мы не дрались. Все же невинные девы! Если гадить, то исподтишка, – Тайрия прыснула, я вслед за ней. – Просто они относились ко мне презрительно, ну и показывали это поведением. Унижали словами. Могли подножку поставить. Так что меня бесит, когда кто-то начинает вести себя подобным образом.

Глядя на уверенную в себе Тайрию, которая всегда высказывала в лицо все, что думает, и вела себя раскованно, мне с трудом верилось, что когда-то могло быть наоборот.

– А потом?

– А потом другой врач назначил мне ятрин. Он не такой сильный. Так что вскоре я пришла в норму, а через полгода вообще от лекарства отказалась. Смогла контролировать огненную стихию. И тогда уж устроила им! Огненный пипец!

Я засмеялась. Хорошо, что все хорошо закончилось. И теперь Тайрия с юмором говорит о произошедшем.

– Слушай, а значит, ты реально подожгла школу?

– Ну, чуть-чуть, – Тайрия запустила руку в огненные кудри, потеребила косу, взлохмачивая ее еще сильнее.

– Немного. Они заслужили. Что одноклассницы, что учителя. Слишком нос задирали от того, что считали себя сильнее, – последнее про заслуженное наказание она добавила

заговорщическим шепотом. – Только молчок. Я же вроде как должна раскаиваться.

В школу мы отправились вчетвером. Эйдан и Вирем шли по бокам, а мы с Тайрией в серединке. Я все время косилась на парней. Вот вроде бы никогда не испытывала потребности в защите. А сейчас так приятно, словно именно этого и не хватало. Особенно со стороны Эйдана. Он и вчера меня защищал. Но сейчас это ощущалось как-то по-другому.

На первом уроке я не выдержала и уснула, укрывшись учебником. На спящего Эйдана посмотрела и саму сморило. Спала спокойно и крепко: не будили ни голос учителя, ни возня одноклассников.

– Что-то мне это напоминает, – сказала Тайрия, как только я с трудом продрала глаза на переменке. – Вы в начале года с Эйданом точно так же вдвоем спали на уроках.

От ее слов я вздрогнула – вспомнила, почему именно спала.

– Просто читала до четырех утра почти, – ответила я, радуясь, что сегодня это не из-за мамы.

На втором уроке я старалась не спать – просто изредка прикрывала глаза и дремала. Все потому, что учительница географии нера Шен отличалась излишней въедливостью. Попадусь, и будет она каждый раз припоминать мне безалаберность. Раньше нера Шен постоянно будила Эйдана, если его сон приходился на ее уроки. То ругала, то стыдила. Она никогда не отправляла к директору нерадивых или слишком шумных учеников – сама разбиралась. Нудела, как выражались одноклассники. Потом нера Шен перестала обращать внимание на Эйдана – устала, наверно.

В легкой дреме перемешивались видения – я думала то о Раде, то о СурГрим, то о Джарнарде, то о пользователях Байхая, которые спорили о личности Сирина и признавались ему в любви. В общем-то, вновь и вновь проживала события вчерашнего дня. Предвкушала, как зайду на свой акк и посмотрю, чего там новенького.

В какой-то момент задремала очень крепко, потому что, когда нера Шен сильно хлопнула указкой, я дернулась и чуть не вывалилась в проход. Думала, она меня поймала за сном и вызывает к доске. Оказалось, учительница показывала на материк Адра, объясняя особенности природных месторождений. Я уставилась туда же, расширив до упора глаза и делая вид, что совсем не сплю и слушаю внимательно.

Взгляд скользнул по очертаниям Адры. Или это указка их обвела? Я не заострила на этом внимания, увидев то, что раньше не замечала. Очертания материка смутно напоминали птицу с распахнутыми крыльями. Я во все глаза уставилась на карту. Да не может быть! Материки Солании и Шендора повторяли силуэты зверей, мы это обсуждали когда-то давно на уроке. Но на Адру в таком ключе я не смотрела ни разу.

Адра – Рада! Птица с распахнутыми крыльями, воспарившая над двумя зверьми и как будто обнимающая их! Знак триединства! Наверно, и Рем рассказывал об этом в книге.

– Рада! – я подскочила, тыча пальцем в карту. – Материк Адра! Это птица. Три материка. Два зверя и птица! Знак триединства.

Наверно, я еще не проснулась, как иначе объяснить мою внезапную смелость там, где это

было совсем не нужно?

Складки на подбородке и щеках неры Шен заколыхались, когда она особенно четко и раздельно проговорила:

– На птицу. Совершенно. Не похоже. Садитесь.

Я села, чувствуя себя довольно глупо.

– Не подгоняйте факты под глупые предположения, – продолжила учительница, и складки щек задергались еще сильнее. – Вы читали Рема. Похвально, похвально – не разучились еще читать. И совершенно зря, лучше бы Гуараки почитали! Теория Рема о триединстве беспочвенна. Доказательств нет. Рем всего лишь шарлатан, который пытается заработать деньги на трудах, не представляющих особой научной ценности. Поэтому я надеюсь, что слышу что-то подобное от вас в первый и последний раз!

А ничего она – целую речь произнесла с красивыми оборотами! Если учительница так много сказала, то и ее эта тема волнует?

– Как можно не помнить Раду! – Тайрия подскочила огненной молнией. – Даже если она… даже если… как можно забыть о ней!

Класс зашумел. Нет, они не Тайрию поддерживали, а ждали развлечения.

– Нерисс Уна, – нера Шен пошла пятнами. – Сядьте на место! Не будем спорить о сказках! Рем и не ученый вовсе, ему всего лишь тридцать.

– В прошлом люди точно так же считали, что живут на божественном теле Науна! А сверху на них смотрит бог Ята. И если пойти далеко-далеко, то можно будет увидеть голову и поговорить с богом!

– При чем здесь это? – неосторожным тяжелым шагом нера Шен пошатнула учительский стол, и тот заскрипел.

– Гарнааки, доказавшему обратное, было двадцать пять!

– Ему понадобилось десять лет, чтобы доказать…

– Десять лет, чтобы к нему прислушались!

– Нерисс Уна! Мне проводить вас к директору?

Впервые на моей памяти учительница географии упомянула директора. Волосы Тайрии встопорщились и как будто полыхнули красными искрами. Карта на доске начала тлеть. Один краешек почернел и осыпался пеплом. С грохотом подорвался со своего места Вирем, подбежал к нам и, ухватив Тайрию за предплечье, дернул на выход.

– Нера Шен, извините. Мы с нерисс Уной выйдем на пару минут.

Учительница кивнула, с удивлением провожая взглядом фигуры Чистых. Потом оглянулась на доску и застыла в шоке. Но она мигом оправилась и, повернувшись к нам, шлепнула пухлыми руками по столешнице, предотвращая поднявшийся галдеж. До конца урока Вирем с Тайрией так и не вернулись.

Тайрия несколько раз спрашивала, прочитала ли я книгу Рема, и только сейчас я увидела, насколько ее все это волнует. Но почему? Мы ведь можем только гадать, что произошло на самом деле, и было ли богов двое или трое. Да, неожиданные подсказки ударяют в голову. Но можем ли мы знать точно? Не подгоняем ли факты, как выразилась нера Шен?

Почему для Тайрии это так важно? Ведь все случилось в далеком-далеком прошлом. Это я виновата – завела разговор про Раду. Не удивлюсь, если теперь все поймут – Тайрия принадлежит числу Чистых. Иначе, почему бы Вирему вытаскивать ее наружу, чтобы о чем-то поговорить? Хотя думаю, все давно поняли – не настолько уж оберегаемый секрет.

На перемене Тайрия вернулась одна. Я только глянула на нее, а она мгновенно уловила невысказанный вопрос.

– Меня бесит, что из-за таких, как Шер, я плохо сплю, – процедила она.

– Что?

– А, – Тайрия махнула рукой и пробормотала любимую присказку. – Не бери в голову.

Тайрия, видимо, так и переживала события урока, потому что не услышала, когда я позвала ее пройтись. Или услышала, но не отозвалась. Так что из класса я вышла одна, захватив с собой только комм. В холле Трайбен Кри наслаждался вниманием – в окружении девушек декламировал стихи про любовь, сияя белозубой улыбкой. Этакий местный принц с малиновой челкой. Вот кто жить не может без восторженных поклонниц в противоположность Эйдану.

Мимо пролетела девушка, ее светло-золотистые кудри, собранные в хвост, хлестанули меня по плечу. Она растолкала девичью толпу вокруг Трайбена, и по холлу разнесся громкий звук пощечины.

– Говорил, что я единственная! Ах ты сволочь, – заорала девушка. – Бабник! Да пошел ты к Науну!

– Что-о-о… я говорил? Бред несешь! Ты сама за мной бегала, как поло…

Я уже уходила, когда зазвонил комм Трайбена, прерывая того на полуслове. Прозвучавшая мелодия меня затормозила – я пораженно уставилась на парня. На звонке стояла моя песня, при чем в неизвестной мне обработке. Одна из девушек повисла на руке Трайбена, мешая тому разговаривать:

– У тебя песня Сирина на звонке!

Я отвернулась и быстро ушла в коридор. Хорошо, что Трайбен не заметил моего удивления, а то я реально долго на него пялилась. Думала, послышалось мне или нет. С другой стороны, может, стоило к нему подойти? Он же наследник музыкальной корпорации Кри – сосланный в провинцию за плохое поведение, но все же наследник, и связь с отцом поддерживает.

“Подойти и спеть. Вот потеха-то будет”.

– Цыц, – буркнула я.

“Один стихи читает, другая поет. Все ваши будут!”

– Наши, наши, – хихикнула я и полезла на Байхай.

Кто сказал, что корпорация мной заинтересуется? Мелодия на звонке опального наследника еще ничего не значит. Подумаю об этом позже – слишком все непривычно и странно. Иногда даже кажется, что не со мной происходит.

Вдоволь посидеть на Байхае оказалось, не судьба – за мной кто-то шел. Я не сразу поняла, что уже довольно давно чувствую знакомый запах и слышу постукивание каблучков. Вот как всемирка отвлекает, ничего вокруг не замечаешь! За мной следовала Элегель. Почему-то она не торопилась заговорить. Остальных ждет? Только подумала об этом, как увидела на верху лестницы Найме Рир – сначала ее сиреневые брюки, обтягивающие плотные ноги, потом топик-разлетайку, а затем встретилась и с ее взглядом из-под длинной челки.

Одноклассница стояла, опершись локтями на перила, и явно поджидала меня. Смотрела сверху вниз. Нога зависла над следующей ступенькой – я замерла. Ну вот, все повторяется. И снова они вдвоем с разных сторон. Стук каблучков позади стих – Элегель остановилась вслед за мной. Найме заслонила выход с лестницы. Уголки ее губ скривились.

– Вот и снова столкнулись, Рой. Ты, говорят, сегодня вместе с Эйданом в школу пришла. Еще и внимание Чистого отхватила? Совсем страх потеряла? Не думай, что мы от тебя отстанем только потому, что Эйдан тебя защитил. Он тебя просто пожалел.

Я стояла и слушала, со странным спокойствием размышляя, как поступить дальше. А потом за спиной Найме Рир показался Эйдан. Она его учуяла, потому что мигом обернулась. Элегель, на которую я так и не посмотрела за все это время, шарахнулась назад и, обдав меня приторной волной землянично-клубничного запаха, убежала.

– Май, иди в класс, – сказал Эйдан и обратился к Найме, – Поговорим, Рир. За мной.

– С чего бы это? – Найме не понравилось обращение Эйдана.

– Ты заходишь слишком далеко. И не только в этом.

– Ты мне угрожаешь?

– А надо?

Все же Найме поднялась за Эйданом выше на пролет. Я услышала скрежет железной двери – судя по всему, они вышли на крышу. Хотелось бы мне услышать разговор! Но издалека не подслушаешь, так что лучше не позориться. Я пошла обратно в класс.

Тайрия, прислонившись к стене возле дверей кабинета, оглядывала коридор, пока не заметила меня.

– Ну как? – спросила.

– Что как?

– Кто-то из девчонок угрожал? Мы с Эйданом специально договорились не ходить с тобой. Посмотреть, воспользуется ли кто шансом.

Вот же они, конспираторы! А я ни с одной стороны слежки не заметила.

– Эйдан увел Найме поговорить.

– Ну, считай дело решенное, – Тайрия хлопнула меня по плечу. – Теперь точно не будут нападать. Подкалывать и ругаться может быть, но не нападать. Найме у них самая безбашенная.

– Они же там драться не будут?

Тайрия расхохоталась.

– Ну да глупо, – согласилась я. – Но я не понимаю, как Эйдан…

– Просто доверься ему и все.

Я специально искала хоть какие-то следы волнения на лицах Эйдана или Найме, когда они вернулись. Но ничего не уловила. Найме даже не косилась в мою сторону. Интересно, о чем они говорили? И надолго ли это поможет?

Во время обеденной перемены я осталась в классе. Деньги-то почти закончились, поэтому взяла перекус с собой – бутерброды с сыром и бутылку со сладким чаем. Наверно, Эйдан точно так же продолжает носить с собой булочки. Можно было бы словно ненароком к нему присоединиться. Но боюсь, тогда бы мне ни кусочка в горло не полезло. Так что я ела одна и просматривала Байхай.

Джарнард обнаружился онлайн. На мое приветствие он ответил:

– Она согласилась. Так что можете встретиться, познакомиться.

– Ты про что? – удивилась я.

– Про помощника для тебя. Забыл уже? Ее Рейрен зовут.

– Ясно. Только я пока в вирт не могу, денег нет.

– ИИК проверь. Может, чего с Байхая накапало. У тебя много посетителей было. Или потратил уже?

Я сглотнула непережеванный кусок сыра, таращась в экран. Джарнард торопился, потому написал:

– Ладно, как разберешься, пиши. Жду время встречи. Пока.

Забросив недоеденный бутерброд обратно в пакет, я лихорадочно набрала номер идентификационной карты. Пальцы соскальзывали, так я торопилась. Неужели у меня есть реальный шанс получить деньги, откуда и не ожидалось? На счету ИИК вместо обычного нуля красовалась трехзначная цифра. Небольшая сумма, но она перекрывала то, что я забрала из денег на продукты. Пополнение пришло действительно с Байхая. Я чуть не завопила от радости. Проблема решена. По крайней мере, на этом этапе, ведь на новые сеансы вирта не хватало. Но это поправимо.

В поисковике я ввела запрос о способах заработка на Байхае – надо же разобраться! Оказалось, в стандартном соглашении предусмотрена функция выплаты процентов, если акк посетило определенное количество народу. Ну и за скачку песен тоже шел процент. Я перечитала свое соглашение с Байхаем и нашла этот пункт. После обнаружила упоминание

расширенного договора на кредит. Вроде как, если нужны деньги, то можно их получить – главное, чтобы руководство высоко оценило возможности аккаунта.

Нет, такое мне пока не нужно. Не хочется переживать из-за долгов. Лучше накоплю и спокойно пойду в вирт. А с той небольшой суммой, что есть сейчас, можно снова караоке посетить – записать новую песню.

После уроков мы с Тайрией отправились в цветочное кафе “Клевер”. К нам присоединился не только Вирем, но и Эйдан, у которого как раз сегодня была там смена. Когда я, замешкавшись, сошла со ступенек школы последней, и все трое – Тайрия, Вирем, Эйдан – обернулись, у меня дыхание перехватило. В сердце поселилась теплота. Никогда еще такого не чувствовала. Никогда у меня не было своей компании друзей. Эйдан, конечно, больше, чем друг. Но сейчас даже такие отношения с ним радовали. Даже то, что ему просто с нами по пути.

Мои друзья.

В кафе Эйдан ушел работать. А мы с Тайрией и Виремом уселись за столик. В основном болтали Тайрия и я, Вирем лишь изредка вставлял фразы, отвечая на наши вопросы. Иногда я подлавливала его на том, что он прикрывает глаза, съедая какой-нибудь засахаренный лепесток с пироженки. Я закусывала губы, чтобы не засмеяться ненароком. Интересно, это из-за того, что он увлечен цветами, или из-за того, что любит сладкое?

Мы просидели довольно долго. Большинство проблем разрешилось, и я чувствовала себя легкой пушинкой, кружащейся в солнечном тепле – совершенно забыла о времени. Часа через два мы вышли на улицу. Я смеялась, поправляя растрепавшиеся волосы. А потом увидела ее…

На другой стороне дороги стояла мама и смотрела прямо на меня.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/23923/740013